

В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

Аргентинская одиссея русского максималиста

Штрихи биографии Бориса Германа

В данном исследовании на примере судьбы российского революционера Бориса Владимировича Германа реконструируются некоторые эпизоды истории революционного движения конца XIX — начала XX в. в России и Аргентине, опровергается миф о «первом муже Надежды Крупской», раскрывается отношение Коминтерна к судьбе Б.В.Германа. Статья основана на анализе документов российских архивов.

Ключевые слова: Борис Герман, эсеры-максималисты, Крупская, Коминтерн, эмиграция в Аргентине.

DOI: 10.31857/S0044748X24070045

Статья поступила в редакцию 10.09.2023.

— Вы знаете фамилию мужа
Надежды Константиновны Крупской?
— Кто же не знает старика Крупского!

Анекдот

Имя Бориса Владимировича Германа было широко известно в узком кругу русских революционеров на рубеже XIX—XX вв. Потом, однако, оно оказалось в забвении на родине. В советской литературе об истории

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9; профессор ГУАП (РФ, 190000 Санкт-Петербург, Большая Морская, 67, jeifets@gmail.com), ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (Москва, Большая Ордынка, 21, ORCID: 0000-0002-7197-7105); **Лазарь Соломонович Хейфец** — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9); профессор ГУАП (РФ, 190000 Санкт-Петербург, Большая Морская, 67, ilaranspb@hotmail.com), ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (Москва, Большая Ордынка, 21, ORCID: 0000-0001-6376-7813).

Авторы выражают благодарность Сергею Германовичу Герману-Галкину и Александру Герману-Галкину (внуку и праправнуку Бориса Германа) за предоставление ценной информации в ходе подготовки настоящей статьи.

Партии социалистов-революционеров (эсеров) Герман практически не упоминается (разве что в связи с провокаторской деятельностью Евно Фишелевича Азефа) [1; 2]. Между тем в далекой Аргентине историки революционного движения хорошо знают его по публикациям журналиста Никифора Аввакумовича Чоловского [3; 4] в русскоязычной эмигрантской прессе (правда, во многом построенным на мифах, даже генерирующим их) и работам историка Освальдо Байера) [5]. Вместе с Симоном Радовицким и Куртом Вилкенсом Герман вошел в тройку наиболее известных эмигрантов из России, совершивших громкие террористические акты в Южной Америке. Там вокруг его имени сложился ряд легенд, ставших основой для обсуждения в литературе и блогосфере (3; 4; 6; 7; 8).

Авторы данной статьи, пользуясь классическим для исторических исследований инструментарием (документальный и системный анализ), поставили цель опровергнуть мифы по поводу жизненного пути российского революционера и обозначить характер его взаимоотношений с различными революционными группами и видными персонажами отечественной истории. Эти методы способствовали критическому рассмотрению источниковой базы исследования, в которую вошли документы Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, позволяющие при соединении с мемуарной и научной литературой выявить практически не рассмотренные ранее в историографии аспекты истории революционного движения нашей страны.

РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНД О БОРИСЕ GERMANE

Первоисточником мифологизированной биографии Б.В.Германа являются публикации осуществлявшего «самоотверженную антикоммунистическую издательскую деятельность» редактора журнала «Сеятель» Чоловского, о котором «ревнитель памяти Белых воинов и участников антибольшевистского сопротивления» Мария Александровна Кублицкая писала: «Приехавший в Аргентину из Киевской губернии в 1912 г. подростком, он только в Южной Америке научился читать и писать по-русски, при этом «писал с чудовищными ошибками, безграмотно строил фразы, а кроме того был резок и часто несправедлив в своих оценках людей и событий, устраивал публичные скандалы и враждовал как с “правыми”, так и с “левыми”» [9].

Мифы, придуманные Чоловским, требуют подробного цитирования. Редактор «Сеятеля» утверждал, в частности, сообщая о смерти 5 октября 1945 г. В.Бабя, отбывшего 25-летний срок в аргентинской тюрьме (стиль автора сохранен): «В 1919 г. он с Борисом Владимировичем Германом, последний был соц. рев.; Надежда Крупская, бывшая его жена, впоследствии пошла жить с Лениным. Они задумали было в далекой Аргентине практиковать сталинскую профессию, т.е. делали налет, за что получили по 25 лет отдыха. Герман умер в тюрьме давно... написал книгу “Биология социализма” [3, сс. 19-20; 10]. Он также написал в тюрьме две книги, до сего времени не изданы; одна из них была в свое время выслана в Россию. Другая осталась где-то тут. Когда их осудили, Герман публиковал в местной газете «Красное Знамя», в течение 19 дней, вроде своей “исповеди”» [3, сс. 19-20].

В 1979 г. Чоловский вновь вернулся к образу Германа: «Он написал много ярких и научно обоснованных антикоммунистических трудов, в которых призывал к борьбе против большевистского зла и их звериной программы, был близким приятелем Доры Каплан, всадившей в Ильича две пули из револьвера... И нам здесь в Аргентине в 1918 году он говорил, что Ленин — большой подлец, причиняет нашим народам много непоправимого зла, и поэтому с ним необходимо бороться всеми силами и средствами. Все труды Б.В.Германа конфискованы и уничтожены коммунистической партией» [4].

Современный интерпретатор жизни Германа — израильский блогер *Blantsman* — задается вопросом: «Не он ли подговорил знаменитую террористку убрать разлучника? В фильме Михаила Ромма есть знаменитый эпизод, где некий эсер дает Фани Каплан отравленные пули. Может быть, этим эсером был Борис Владимирович Герман?» [11]. Безудержный полет фантазии автора сложно комментировать, не сдерживая улыбку. Но, тем не менее, попробуем. «Говорил, что Ленин — большой подлец...». Между тем сам Герман прямо утверждал: «Неверно, что я — враг Ленина и Троцкого. Я лишь говорил, что я противник их идей и программы, в то время, когда я их знал, они не были максималистами, что я неоднократно говорил на диспутах в Женеве, Берне, Париже и др. городах» [12]. Трудно, пожалуй, считать врагом Ленина одного из создателей Федерации русских рабочих Южной Америки, выступавшей (во всяком случае на первых порах) в поддержку русской революции, направившей в 1920 г. для участия во II конгрессе Коминтерна своего делегата Михаила Алексеевича Комина-Александровского, который позднее был делегирован Исполкомом Третьего Интернационала эмиссаром в Южную Америку.

Вряд ли возможно проверить утверждение о наличии у Германа множества трудов. Не подтверждается деталями биографий двух революционеров и тезис о его дружбе с Каплан — крайне трудно усмотреть возможности пересечения их жизненных и революционных путей. Кроме того, у Германа не было возможности снабдить эсерку оружием и пулями: он в этот момент находился на берегах Ла-Платы.

Центральным вопросом интереса историков к фигуре революционера являются его предполагаемые отношения с Надеждой Константиновной Крупской. Информационный костер, похоже, зажегся от искры, случайно оброненной писателем и переводчиком К.В.Хенкиным в связи с характеристикой русской эмиграции в Аргентине. Автор утверждал, что русская диаспора в южноамериканской стране состояла «в те годы из анархистов, эсеров, социал-демократов, пришедшихся в Москве не ко двору. Жил там, например, первый муж Надежды Константиновны Крупской — Борис Владимирович Герман» [7, с. 116]. Стоит ли критиковать Хенкина за то, что в его интерпретации русская революционная эмиграция в Аргентине состояла из людей, разошедшихся с большевиками, в то время как на самом деле они эмигрировали еще из царской России, а большая часть позднее вернулась в Советскую Россию? Подтверждением достоверности данной информации стала ссылка на ее публикацию в «Британской энциклопедии». Ссылка эта кочует из статьи в статью, из книги в книгу. Многие ссылаются на ссылку, даже не пытаясь найти источник (им является Чоловский). Яркий пример подобного подхода мы находим в книге А.Арутюнова: «Как ни странно,

но за границей о нем [Владимире Ильиче Ленине] знают гораздо больше, чем у нас (многие работы, опубликованные на Западе, вышли из-под пера тех авторов, которые знали Ленина. Так, например, ссылаясь на «Британскую энциклопедию» пишут, что Ленин якобы был не первым мужем Н.К.Крупской: оказывается, она прежде состояла в браке с эсером Борисом Германом, близким другом Фанни Каплан» [8, с. 519]. Указывающие на публикацию в «Британнике» авторы саму энциклопедию не цитируют. Просмотр же целого ряда ежегодных выпусков «Британники» показывает отсутствие подобной информации в справке на Крупскую [13, р. 15], а справки на самого Германа там нет и в помине. Похоже, что полет фантазии Чоловского увел его мысль далеко от реальности.

Документальных свидетельств, подтверждающих утверждения о том, что Герман являлся мужем Крупской, не существует. Попробуем, однако, поразмышлять. Естественно, об официальном (т.е. в то время церковном) браке и речи быть не могло, иначе Надежда Константиновна не смогла бы венчаться с Владимиром Ильичом Ульяновым. Предположение же о браке гражданском трудно как подтвердить, так и опровергнуть. Исключить такую возможность нельзя: такое нередко случалось в революционной, да и не только революционной, среде, но, как правило, это происходило с идеологически близкими людьми — сближала совместная партийная деятельность, особенно в условиях подполья.

Для оценки достоверности информации Чоловского, в первую очередь, следует обратить внимание на слова «Нам здесь, в 1918 г. он говорил». Довольно трудно представить задушевные беседы старого профессионального революционера с полуграмотным мальчишкой — эмигрантом с Киевщины. На память приходят слова лорда Болингброка из пьесы Э.Скриба «Стакан воды»: «Таков конец этой истории, в которую мало кто поверит, и в которую я сам, признаться, верю с трудом». Учитывая особенности характера Чоловского, можно предположить, что он искренне верил в то, что писал.

Авторы биографии Надежды Константиновны в «Википедии» отмечают: сообщение «Британники» «о гражданском браке (сожителстве) Н.К.Крупской с будущим видным деятелем партии эсеров, а затем эсеро-максималистов, боевиком Б.В.Германом основаны только на воспоминаниях самого Германа», а «ссылка на секретные документы НКВД, видимо, несостоятельна» [14], и делают вывод, что Герман мог выдавать желаемое за действительное. При этом никаких ссылок на первоисточник не публикуется. По сути, заявление это Герману приписано Чоловским, и никто более из русских революционных эмигрантов в Аргентине, знакомых с бывшим эсером, этого не подтверждал.

БИОГРАФИЯ Б.В.ГЕРМАНА: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ

Мог ли Борис Владимирович, по оценке близко знавшего его по эмиграции большевика Михаила Ярошевского, «человек способный и образованный, но алкоголик и крайне неуравновешенный» [15, л. 38], говорить что-то близкое к описанному Чоловским? Теоретически — да, но немногочисленные документы свидетельствуют о том, что на самом деле все было не совсем так.

Ссылающиеся на Чоловского или не ссылающиеся ни на какие источники авторы статей о «первом муже Крупской» сетуют на скудость ин-

формации в «Британнике» и в первом издании биографического словаря Коминтерна в Латинской Америке. Отметим, однако, что подробной справки о Германе в словаре и не могло быть (ввиду того, что он не работал в структурах Коминтерна, а лишь упомянут как лицо, которым III Интернационал интересовался), но имеются краткие биографические данные его сына — Германа Борисовича Германа-Галкина [16, сс. 48-49, 200].

Кое-какие документы в архивах сохранились. Именно личное дело революционера, хранящееся в Российском архиве социально-политической истории (РГАСПИ), стало основой представленного ниже исследования. Данные материалы обладают существенным недостатком: практически все сведения о жизненном пути Германа исходят от него самого и с трудом поддаются проверке. Но мы уверены, что более тщательный поиск в архивохранилищах, как российских и аргентинских, позволит устранить неясности.

Герман в автобиографии, написанной для адвоката, протестовал против «ложных фактов и неправильно приписываемых мне слов», в частности о том, что он «будто бы сын... князя, профессор по биологии». В свою очередь он сообщал, что получил «полу-революционное, полу-научное воспитание», благодаря отцу, который, не будучи революционером, являлся хорошо образованным человеком, философом-эпикурейцем, состоявшим когда-то в дружеских отношениях с Александром Ивановичем Герценом и Михаилом Александровичем Бакуниным [12, л. 4].

Опираясь на известные биографические сведения Крупской и Германа, попробуем оценить, был ли возможен в принципе их альянс. Пожалуй, ключевым вопросом здесь является сопоставление дат их рождения. Надежда Константиновна родилась в 1869 г. По поводу же даты появления на свет Бориса Владимировича имеются разночтения. В статье, опубликованной журналом «Огонек», утверждалось, что он родился в 1860 г. [6]. Если бы эта дата оказалась верна, то можно было бы рассуждать о возможности союза двух революционеров. Но в комментариях к опубликованным письмам Азефа указывается иная дата — 1875 г. [17, с. 112]. Возраст Германа (43 года) назывался во время процесса, проходившего над ним в Аргентине в 1918 г. [5, р. 15]. С указанной датой согласен и внук Бориса Владимировича — петербургский профессор Сергей Германович Герман-Галкин [18]. В краткой автобиографии, хранящейся в РГАСПИ, Б.В.Герман пишет, что в 1880-х годах А.И.Герцен и М.А.Бакунин являлись его учителями: «Меня называли “Бланки”, ибо последний был моим любимейшим героем до [18]91 года. К тому времени я уже был хорошо знаком с революционным движением по произведениям Вермореля и Лисагарэ “Коммуна” и другим, а также по сочинениям лучших русских писателей. ...В [18]91 г. я был в близких отношениях с революционным миром, ибо моей заветной мечтой была социальная революция. По этой причине я был тогда замешан в процессе “второй Народной Воли”^{*} и вместе с Ширяевым и другими был заключен в Центральной Харьковской Тюрьме». Борису Герману удалось

^{*} В довольно полном издании Н.А.Троицкого [19] этот процесс не упомянут.

Семья Германов. Архив семьи Германов-Галкиных

выйти на свободу благодаря связям Германа-старшего-отца, с условием, что Борис пройдет обучение в военной кавалерийской академии [12, л. 4].

Уже в этом отрывке можно обнаружить ряд важных противоречий, возможно, связанных с качеством сделанного по просьбе Германа Германа-Галкина (для представления в Коминтерн) перевода материалов, опубликованных в 1921 г. в рабочей газете *Bandera del pueblo* под заглавием «Исторические документы». В комментарии переводчик отметил: «Мною переведены лишь фактические данные, характеризующие личность и революционную деятельность г. Б.В.ГЕРМАНА в России, за границей и Аргентине. Перевод неполный и неточный, сделан был наспех и не обработан» [12, л. 3].

Непонятно, почему Герман, если он родился в 1860 г., совершенно не касается 30 лет жизни (не считая слов об интересе к революции), не сообщает, где учился, где и с кем служил. Второе несоответствие — его утверждение об аресте в 1891 г. вместе со Степаном Григорьевичем Ширяевым (на самом деле Ширяев скончался в Петропавловской крепости десятью годами ранее, в 1881 г.). Третий вопрос связан с обучением в военной академии. Единственной военной академией в Российской империи являлась Академия Генерального штаба, и поступить в нее мог бы только офицер, а Герман указывает, что первый офицерский чин получил в 1894 г., после чего был переведен в Крым, где в то время проживал император Александр III [12, лл. 4-5]. Скорее всего, под академией подразумевалось Николаевское кавалерийское училище, считавшееся в российской армии самым привилегированным военным учебным заведением, в котором обучались в основном дети аристократии и высших чиновников. Абитуриентам должно было быть не менее 16 лет, верхняя планка не определялась, но представить себе 30-летнего юнкера среди подростков сложно.

Авторы справки о Германе, подготовленной для Исполкома Коминтерна в 1921 г., отмечают, что тот был освобожден из харьковской тюрьмы в 1891 г. «как несовершеннолетний» [20, л. 36], а совершеннолетие в Российской империи наступало в 17 лет. Соответственно, Герман должен был родиться в 1873—1874 гг. Уже эти данные делают маловероятной возможность его брака с Крупской.

Другой миф, генерированный авторами «Википедии», гласит: «Н.К.Крупская хорошо знала разных эсеров-террористов, разбиралась в оружии, взрывчатке и т.д., и, возможно, училась у Германа работе с оружием и взрывчаткой» [14]. Ничего невозможного в знакомстве Надежды

Константиновны с кем-то из эсеров-террористов нет, учитывая, что их в принципе было немного, а эсеры и социал-демократы на первых порах довольно тесно общались. Правда, в то время, когда она якобы являлась «женой» Германа, речь могла идти только о будущих эсерах, ибо партии социалистов-революционеров с таким названием еще не существовало. Совершенно непонятно и то, откуда взялась информация о знакомстве Крупской с взрывчаткой и оружием, и из чего следует, что сам Герман умел изготавливать взрывчатку. Далеко не каждый эсер и народоволец был готов к подобной деятельностью. И даже бомбометатель не обязательно обладал познаниями в области изготовления динамита.

Важнее, пожалуй, другое. К моменту чисто теоретического знакомства двух революционеров (это не могло быть ранее 1890-х годов) российские марксисты решительно осуждали террор, а Крупская уже являлась сформировавшимся адептом идей Карла Маркса и вряд ли ее могли интересовать динамит и оружие и их практическое применение в классовой борьбе.

Военная карьера Германа закончилась, практически не начавшись. В конце 1894 г. он оказался «замешанным в революционном процессе и должен был предстать перед военным трибуналом», но и на этот раз был освобожден «благодаря связям отца» [12, л. 4]. Однако чувство собственного достоинства побудило Германа порвать с семьей, чтобы всецело отдаться революционной и трудовой деятельности. Чтобы почувствовать «всю тягость» трудовой жизни «и необходимость ее резкой перемены», бежав из Ливадии, Герман начал «свою бродячую жизнь»: работал грузчиком, организовывал забастовки на Азовском побережье, в Донбассе, не раз подвергался аресту, но бежал из заключения. Он пытался учиться на факультете медицины, но был вынужден скрыться из-за провала нелегальной группы, в которой участвовал. Как отмечал Герман в своей исповеди, он «не переставал быть одним из активных участников русского революционного движения 90-х годов»: работал в формирующейся Социально-революционной партии Народного права, которая впоследствии объединилась с социалистами-революционерами. В это время он начал писать статьи о биологии дарвинизма и ламаркизма для журнала Михаила Михайловича Филиппова «Научное обозрение». В 1897 г. Герман был приговорен к пятилетнему поселению в Якутии, но по дороге бежал. С этого времени началась его жизнь эмигранта под чужим именем. На берегу Женевского озера в Эрмансе, на границе с Францией, был приобретен особняк, где беглец поселился с семьей (женой Ольгой Алексеевной и двумя детьми). Там он пытался заниматься научной работой, не прекращая революционной деятельности. В 1898 г. дважды нелегально приезжал в Россию для подпольной работы [12, лл. 4-5].

В доме семьи Германа в 1904 г. проходил Второй съезд Партии социалистов революционеров, который сам Герман считал правильным называть учредительным, поскольку в нем участвовали «виднейшие его (sic! — В.Х., Л.Х.) представители с целью выработки общей программы действий»: Николай Васильевич Чайковский, Леонид Эммануилович Шишко, Осип Соломонович Минор, Феликс Вадимович Волховский, Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, Борис Викторович Савинков, Евно Фишеле-

Герман Борисович Герман-Галкин. Архив семьи Германов-Галкиных

вич Азеф и др. Как вспоминал Герман, ему пришлось объясняться с французским правительством по поводу этого съезда. Дело в том, что российские власти указывали на то, что съезд несет ответственность за убийство министра внутренних дел Вячеслава Константиновича Плеве, а европейские буржуазные газеты называли его «террористическим», хотя «в сущности он таковым не был». Именно тогда, по оценке Германа, «начались первые теоретические разногласия по программе партии» [12, л. 23].

Под влиянием группы Михаила Ивановича Соколова 14 ноября 1904 г. была принята резолюция «О боевых дружинах в деревне в связи с аграрным террором». В резолюции содержалось требование о том, чтобы в целях «возможно большего расширения и обострения экономической и политической борьбы крестьянских масс... [и] внесения в эту борьбу возможно более ясного политического и социалистического сознания» следовало немедленно приступить к формированию боевых дружин в деревне, созданию партийных боевых групп» [1, с. 40]. Эти группы были призваны осуществлять «аграрный и политический террор в целях устрашения и дезорганизации всех непосредственных представителей и агентов современных господствующих классов», должны были пользоваться полной свободой действий и не контролироваться партийным центром [2, с. 150]. На вилле в Эрмансе находили приют революционные эмигранты, и не только эсеры. Так, в 1904 г. три месяца у Германа гостил известный большевик, делегат Второго съезда РСДРП Владимир Филиппович Горин-Галкин [21, л. 2].

О судьбе Германа и его семьи «заботился» знаменитый провокатор Азеф. 7 сентября 1904 г. он проинформировал Департамент полиции об отъезде в Россию жены Германа — Галкиной, везущей литературу в двух чемоданах. На следующий день Азеф уточнил сведения (едет с детьми через Вену) и выразил надежду на то, что ее задержат на границе. В этих же письмах он сообщает о передаче дома Германов партии социалистов-революционеров, которая пыталась продать недвижимость при посредничестве князя Дмитрия Александровича Хилкова [22, с. 319].

Полиция успешно справилась с задачей, поставленной ее агентом, — Галкина с детьми была арестована. Азеф же продолжал информировать охранку о том, что Герман («Борис Дмитриевич Нерадов») нелегально переехал из Швейцарии в Россию. Агент охранки докладывал: «Герман на днях едет через Лемберг (прежнее название Львова. — В.Х., Л.Х.), вернее

должен был ехать, но может, теперь его задержат благодаря сообщению... Герман, когда переедет в Россию, будет в Житомире, где сидит в тюрьме его жена, которую он думает освобождать. Герман до сих пор не поехал, потому что он должен был продать свой паровой катер, и не находилось покупателей» [22, с. 327-328]. Азеф предупреждал полицию: «Вообще вопрос о вооруженном выступлении масс благодаря последним событиям в России все более и более занимают партию СР. В последнее время отправлена масса народу в Россию, до 20 человек. ...Герман в Киеве и Курске шляется» [17, с. 112]. Неизвестно, однако, предприняли ли полицейские власти какие-либо действия на основе данной информации.

В дискуссии по программе партии, начавшейся на съезде и обострившейся впоследствии, Герман присоединился к левой группе, признавшей «главным образом прямую революционную экономическую борьбу против землевладельцев, за что была прозвана “максималистической группой аграрного террора”, и вошел, по его словам, в состав Центрального Комитета как «один из наибольших врагов лидера правой группы [Виктора Михайловича] Чернова» [12, л. 6].

Вернувшийся в Россию Герман вошел в группу Соколова («Каина»; «Медведя»), который, после обвинений руководства эсеров в нарушении договоренности отстаивать свои взгляды только внутри партии и «не бросать своих призывов и лозунгов в крестьянскую массу» [1, с. 44] занялся созданием собственной организации. Герман писал, что руководил первыми шагами партии (Крестьянского союза или Союза социалистов-революционеров-максималистов), оценивая свою работу как «чрезвычайно плодотворную и интересную».

В ходе вооруженного столкновения на Павловской ул., 3 в Киеве (февраль 1905 г.) Герману удалось отбиться от нескольких преследователей и скрыться. Но летом того же года он все же был арестован и предстал перед судом, на котором прокурор потребовал для него смертной казни. В то же время заинтересованность полицейского департамента в допросах революционера привела к затягиванию процесса [12, л. 6].

По воспоминаниям сына украинского социал-демократа Льва Иосифовича Юркевича, Герман, после «фантастического побега из Лукьяновской тюрьмы, когда он сломал обе ноги, прыгнув с высокой стены», укрывался в их семье, не знавшей тогда его настоящего имени и того, кем он был. «Вылечившись, он бесследно исчез» [23].

Так как в распоряжении упомянутого выше переводчика не было номера газеты, где содержались сведения о судьбе Германа с 1905 г. и до его приезда в Аргентину, то переводчик изложил информацию конспективно: «два раза в этом же году бежал из тюрьмы и из Сибири, продолжал работать еще в России, в 1906 г. пробрался в Буковину, где тоже работал, потом в Швейцарию, затем в Париж, где читал лекции о революционном коммунизме и полемизировал с с.-р., разойдясь и с максималистской русской партией, потом жил в Лондоне, а потом уехал в Южную Америку, где жил между индейцами в лесах, изучил их быт и язык и занимался там литературным трудом, после того приехал в Буэнос-Айрес» [12, л. 6].

АРГЕНТИНСКИЙ МАКСИМАЛИСТ БОРИС GERMAN

В Аргентину Герман приехал, по его словам, с целью лечения, без планов политической работы [12, лл.7-8]. Однако пребывание в Южной Америке затянулось на всю оставшуюся ему жизнь. Вновь включиться в активную революционную деятельность эмигранта побудило «единственное желание» — вернуться в Россию, где произошла Февральская революция.

Революционер собирался отправиться на родину с первой группой амнистированных политических эмигрантов, однако, как указывал Герман, выделенные Временным правительством на эти цели средства чрезвычайный посланник в Буэнос-Айресе Евгений Федорович Штейн и консул Федор Викторович Пташников не передали в распоряжение Комитета русских эмигрантов, а сами организовали комитет, подконтрольный дипмиссии. Бунтарь по натуре не мог согласиться на возвращение в Россию при посредничестве дипломатов и публично опротестовал их действия, заявив о нежелании признавать «фальшивых представителей» и требуя «опубликования ордера Врем. Правительства и немедленного признания Комитета действительной русской колонии». Его протест произвел эффект и — по утверждению Германа — привел к ликвидации «услужливого комитета экс-консулов» [12, л.8].

Так Герман вольно или невольно втянулся в дело защиты интересов русской политической диаспоры. Революционную эмиграцию захлестнули те же страсти, что бушевали на родине. Появилось несколько организаций, одной из которых стал основанный при деятельном участии Германа «социалистический центр» (очевидно, имелся ввиду Союз российских социалистов, последствии преобразованный в Русскую коммунистическую группу. — *В.Х., Л.Х.*), который разрастался, притягивая к себе рабочих. Начали организовываться местные комитеты и возникла идея реорганизации центра в Южно-Американский союз русских социалистов и рабочих, первый манифест которого был написан Германом [12, л. 8]. В этом документе провозглашалась солидарность с революцией в России и созданием Советов депутатов. Нравственным долгом российских революционных рабочих и социалистов, оказавшихся в Южной Америке, обозначалось слияние в рамках «единой общей организации для всей Аргентины, чтобы не быть чужими американцами для революции России, а русскими, достойными нашей великой родины. Наша цель — это сделать все, что мы можем, чтобы помочь русской революции настолько мы можем это вообще и насколько мы можем представить революционную Россию для российских граждан в Аргентине» [24, лл. 3-4]. При этом квалифицировать манифест как большевистскую декларацию было невозможно: в документе содержалось требование уничтожения господства буржуазии и передачи политической власти пролетариату, но отвергались возможность гражданской войны, как и «революционное восстание» как средство непосредственного достижения социализма. Вместо этого делалась ставка на «мирную организацию народа» на основе «равенства и справедливости» по окончании боевых действий [24, л. 1].

В Монтевидео Герман создал союз русских рабочих Уругвая, пропагандируя необходимость формирования организации Федерации русских рабочих Южной Америки (ФРРЮА), официально учрежденной в феврале 1918 г. с центром в Буэнос-Айресе, печатным органом которой стала газета «Голос труда». Федерация распространяла свою деятельность на Бразилию и Парагвай. Роль Германа в ФРРЮА заключалась в чтении лекций, участии в митингах, создании в Берисо народного университета и школы для русских рабочих, организации спектаклей («для поддержания кассы»). При этом он жил «между рабочими, зарабатывая на пропитание личным трудом на разных фабриках» [12, л. 8].

Разойдясь идейно и организационно с максималистами в России, приняв Октябрьскую революцию, Герман вновь оказался в рядах максималистов в Аргентине — именно так в испаноязычных странах тогда именовали сторонников большевиков. Новую реинкарнацию максимализма он понимал как признание программы-максимум социальной революции, «признающей социализацию всего богатства и допускающей лишь одну привилегию для всех трудящихся», отказ «от всякого компромисса с буржуазией и от участия своих членов в парламенте». Герман противопоставлял два социализма: коллективистский, «возглавляемый социалистическим Интернационалом, участвовавший в империалистической войне, который его и разбил, предполагающий медленную национализацию частного капитала, не разрушая политического режима и существующей экономической базы», и «коммунистический социализм или действительный коммунизм», допускаявший «известную автономию в управлении индустриальными и земельными районами посредством местных пролетарских советов и всеобщей федерации с законодательным центром и экономическую революцию в деле производства и распределения, в устранении внутренней торговли и другими признаками коммунистического социализма» [12, л. 7]. Герман критиковал соглашательский Интернационал и Социалистическую партию (*Partido Socialista de Argentina, PSA*) Хуана Баутисто Хусто и Николаса Репетто, и «поэтический лиризм, фальшиво описанный Кропоткиным», основанный «лишь на сентиментальной утопии». «Будучи основанным исключительно на экономическом базисе, коммунизм в первую очередь его легализма не допускает экономической свободы в деле распределения продуктов, как также в потреблении и в обмене. Социальная революция предполагает жестокую гражданскую войну и отрицает всякую утопично-слащавую теорию в переходе к коммунизму» [12, л. 7].

В это время правящая элита, испуганная европейскими событиями и ростом рабочего движения в Аргентине (важной частью которого была революционная эмиграция), с большим подозрением относилась к новым мигрантам, ассоциируя их с анархистским насилием и национальной дезинтеграцией. Этот страх побудил аргентинскую буржуазию создать печально известную Аргентинскую патриотическую лигу (*Liga Patriótica Argentina, LPA*). После «Трагической недели» (1919 г.) *LPA*, опираясь на поддержку армии и полиции и бездействие правительства Иполито Иригойена (1916—1922 гг.), развернула против рабочего движения кампанию террора [25, р. 3], теоретической базой которого были национализм, ксенофобия, антикоммунизм и антисемитизм. Лигисты нападали на испанцев, считая их анархистами, и

евреев, которых они идентифицировали как большевиков, не видя в тот момент разницы между ними и анархистами.

Как пишет аргентинский исследователь О.Байер, «в то время как интеллектуалы-анархисты продолжали спорить друг с другом о том, как будет развиваться жизнь, когда больше не будет правительств, анархо-индивидуалисты действовали, сжигая трамваи или взрывая пекарни». В этой атмосфере «в рядах левых произошел новый раскол... часть анархистов поддержала Русскую революцию, то есть максималистов (большевиков). Но остальная часть анархического коммунизма нападала как на капиталистов, так и на правительство Ленина за то, что они являются для них равными диктатурами с различными формами» [5, p. 10].

Газеты реагировали не столько на политические позиции, сколько на славянские фамилии, звучавшие во время перестрелок перед зданиями профсоюзов или взрывов бомб и «читатели, должно быть, восклицали, качая головами: они не могли быть другими, они должны были быть русскими!» [5, p. 17]. «Охота на русских» стала популярным лозунгом молодых представителей высшей и средней буржуазии, присоединившихся к Гражданской гвардии и *LPA* в кровавую январскую неделю, совершавших незаконные и преступные нападения на еврейские кварталы. Герман, человек эмоциональный, человек действия, «считал своим долгом «просветить своих соотечественников», живущих в Аргентине, разъяснить, что означает Октябрьская революция, которая, по его мнению, должна была привести к полной свободе человека. Байер утверждает, что Борис Владимирович был одержим необходимостью создания газеты, которая помогла бы неорганизованной массе эмигрантов, «неспособной сформировать серьезный план революционного характера и гораздо меньше — превратить великую теорию в реальность» [5, p. 17], обрести почву под ногами. Сам же Герман писал об общих разговорах о необходимости найти деньги «для организации защиты против подготавливающейся патриотической Лигой новой бойни на 1-е мая, о чем открыто говорили в трамваях, кофейнях и других публичных местах... о необходимости устройства лабораторий по изготовлению взрывчатых веществ и что это возможно только после крупной экспроприации» [26, л. 9].

Спланированная Германом акция по «экспроприации экспроприаторов» закончилась неудачей. 19 мая 1919 г. Андрей Бабич, только за полгода до этого приехавший из Бессарабии и имевший австрийское гражданство (он родился в Буковине, на границе двух империй), на оживленном перекрестке улиц Хорхе Ньюбери и Лемос попытался отобрать портфель с выручкой у владельца обменного агентства Педро Пераццо. Во время вспыхнувшей перестрелки погиб полицейский, а несколько человек (в том числе Бабич и Пераццо) были ранены. Герману и водителю Луису Челли удалось скрыться с места происшествия [5, p. 15].

Герман писал: «Из Буэнос-Айреса я удрал после того, как узнал об акте, потому что как раз в это время начались повальные обыски и аресты в рабочих кружках и союзах. ...Столица была опять превращена в военный лагерь. Я удрал как максималист и как русский, к тому же гвардия патриотической Лиги, совместно с полицией, усиленно искала меня как главного виновника кровавых событий январской недели. Причины вполне доста-

точные для бегства из Буэнос-Айреса. К тому же арестованный на месте нападения на агентов Перацо Андрей Бабич известен как мой интимный друг. Все же я ничего не знал о подготовке этого нападения... для меня, ради сохранения моей жизни, было гораздо выгоднее предстать в качестве уголовного преступника, нежели быть оправданным и быть подвергнутым линчеванию белой гвардии... большую услугу оказал полиции знающий меня и оказавшийся агентом аргентинской охраны Энрике Каплан». При этом Герман наивно утверждал, что показания Каплана не могут восприниматься властями всерьез, поскольку «не основаны на каких-либо действительных фактах, могущих доказать мое участие в нападении» [26, л. 9].

В итоге полиция сумела задержать российского эмигранта близ парагвайской границы. Его личность вызвала такой интерес, что губернатор провинции Мисионес Баррейро часами, по словам О.Байера, беседовал с Германом, а затем лично сопроводил арестованного в столицу, где того в одиночной камере посетили министр внутренних дел и несколько законодателей от партии Гражданский радикальный союз [5, р. 15].

Суд первой инстанции приговорил Бабича к 25 годам тюремного заключения, Германа — к 10, а Челли — к 1 году. При рассмотрении апелляции прокурор просил подтвердить приговор, но судьи лишь усилили его, вынеся Бабичу и Герману смертный приговор, считая, что обвиняемые находились в сговоре, создали преступное сообщество, и поэтому «Борис Матриченко [Герман. — *В.Х., Л.Х.*], который не участвовал в убийстве агента Сантильяна, несет ту же ответственность». Анархистские газеты расценили вердикт как «классовую месть» судей. Удивление такое решение вызвало и в юридических кругах: Бабич действительно застрелил полицейского, но Герман не применял оружие. Об этом говорил судья Мартинес, оглашая приговор в первой инстанции: «Подсудимые должны ответить перед законом за последствия действий, лично совершенных каждым из них. По этой причине Бориса нельзя винить в том, что произошло позже с участием Бэбби [Бабича. — *В.Х., Л.Х.*] — смерть агента Сантильяна и ранение агента Варелы — поскольку они не были организованы [заранее], и он [Герман] не оказал в этом своего содействия» [5, р. 19]. Только возражения двух членов судебной палаты спасли Бабича и Германа от смертной казни. В последнем слове подсудимый Герман заявил: «Жизнь такого пропагандиста идей, как я, подвержена всяким случайностям... Я знаю, что не увижу триумфа своих идей, но за мной рано или поздно придут другие» [5, р. 20].

По сути, приговор оказался для Бабича и Германа практически пожизненным. Бабич, отбыв весь срок, умер сразу после освобождения. Германа в наручниках и кандалах отправили в тюрьму самого южного города планеты — Ушуйая (Огненная земля). Там его и без того подорванное здоровье резко ухудшилось из-за плохого питания, холода и побоев, которые применялись в те годы в аргентинских тюрьмах. Знавшие Б.В.Германа в тюрьме отмечали, что он продолжал проповедовать свои идеи среди заключенных. Как пишет О.Байер, «в последние месяцы жизни у него были парализованы ноги, и ему приходилось ползать по камере: персонаж Достоевского с достоевским финалом, похожим на копию “Униженных и оскорбленных” или “Записок из мертвого дома”» [5, р. 22].

СПАСТИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА ГЕРМАНА

Судьба Германа волновала соратников по борьбе в Аргентине, вернувшихся в Советскую Россию. Приезжавшие для установления контактов с III Интернационалом в 1920—1921 гг. Михаил Алексеевич Комин-Александровский, А.Карпенко, Тимофей Гребенников, Майер Машевич информировали о деле Германа Исполкомом Коминтерна. В июле 1921 г. ре-эмигранты — участники революционного движения в Южной Америке В.Липшиц, П.Розовский, Петр Зебель, Л.Александровская, А.Золотицкая, — находясь в Советской России, собрались для обсуждения вопроса по делу Германа, которое, по их словам, взволновало «все революционные умы этого континента». По их словам, заслуги Германа были очевидны («организовал нелегальные боевые группы», препятствуя снабжению Европы сырьем и материалами для борьбы против Советской власти, во всех своих публичных выступлениях, а также и в революционной печати постоянно заявлял, что подобные действия приведут к «полному краху всемирной буржуазии», поддерживат «борющуюся с Европой Сов. власть в России») и «окончательно приблизят победный исход борьбы Коминтерна». Находя Германа «крупной интеллектуальной силой» и человеком, полезным для проведения в жизнь идей III Интернационала, участники встречи обратились к руководству всемирной компартии с просьбой принять меры по освобождению арестованного революционера и предлагая себя в качестве участников подобной акции [27, л. 39].

К ходатаям по делу революционера присоединился его сын Герман Борисович Герман-Галкин, военный моряк, служивший в Петрограде и узнавший о судьбе отца только в 1921 г. До того времени он был «отрезан» от Советской России, находясь на подпольной работе против Деникина и Врангеля в Крыму [28, лл. 15-16], куда был направлен Оргбюро ЦК РКП(б) в марте 1920 г. по просьбе Крымского ревкома для руководства его финансовым отделом [29, л. 82]. Сведений о заслугах 18-летнего Г.Б.Германа перед революционным движением в доступных нам документах нет. Но сам факт такой просьбы Революционного Комитета региона, находившегося в центре острейшего противостояния гражданской войны, за полгода до штурма Перекопа, да и доверенный ему участок работы — финансы, говорит о высокой степени доверия к нему в высоких партийных инстанциях. Можно предположить, что здесь сыграли роль старые революционные связи матери — О.А.Галкиной.

В письме члену Президиума ИККИ Карлу Радеку Герман-Галкин обратил внимание Коминтерна на то, что в Аргентине «сидит большой революционер и коммунист, имеющий большой опыт борьбы за диктатуру пролетариата и за социальную революцию». По словам Германа Борисовича, заявлял он все это не в силу родственных связей, а полагая, как член РКП (б), что «выяснил вполне» «политическую физиономию отца» и не нашел в ней противоречий с делом коммунизма. Представление о революционной деятельности отца Герман-младший получил от рабочих, приехавших из Аргентины, а также из статей Бориса Владимировича, которые ему «с большим трудом удалось получить» [28, л. 15].

Герман-Галкин напомнил ИККИ, что его отец начал революционную деятельность в России в 1900 г., участвуя в рабочих революционных кружках в Донецком бассейне. В 1902 г. он присоединился к Боевой организации эсеров и являлся одним из главных лиц в деле раскола ПСР на «максималистов» и «минималистов», став одним из руководителей фракции максималистов. В 1908 г. Герман, как утверждал его сын, разошелся и с «максималистами», провозгласив себя «коммунистом экономического равенства». В 1916 г. (? — В.Х., Л.Х.), не имея возможности больше оставаться даже в Европе, он был вынужден перебраться в Аргентину, где активно участвовал в рабочем движении [28, л. 15].

Вероятно, полагая, что вся эта история выглядела довольно фантастической, Герман-младший добивался встречи с секретарем ИККИ К. Радеком, надеясь путем предоставления дополнительных «деталей» убедить того помочь отцу [28, лл. 15-16]. На заявление Германа-Галкина была наложена резолюция (очевидно, членом Президиума ИККИ К. Радеком): «т. Ярошевскому. Что Вы знаете об этом?» [30, лл. 13].

М. Ярошевский, активный член Бунда, в 1905 г. бежавший в Аргентину и входивший в левое крыло *PSA* и компартию (*Partido Comunista de Argentina, PCA*), вернувшийся в Советскую Россию летом 1921 г., занимал пост заведующего существовавшего короткое время отдела Южной и Центральной Америки Бюро колониальных и полуколониальных стран ИККИ (сентябрь 1921—1922 гг.). Он доложил в Секретариат ИККИ о мнении реэмигрантов из Аргентины о Германе, как о «видном и деятельном революционере, с большими заслугами перед революционным движением в Южной Америке» и желании «многих аргентинских организаций», чтобы советское правительство и Коминтерн приняли все меры к освобождению его и возвращению в Россию». При этом Ярошевский высказал свое личное мнение: «Б.В. Герман, старый эмигрант, социал-революционер... обнаруживал невысокую работоспособность во время своего пребывания в Аргентине. Был осужден на 15 лет тюремного заключения за ограбление, вместе с другим русским эмигрантом, торговца лотерейными билетами, который был при этом убит в 1919 г. Дело это наделало большой шум в Южной Америке, причем привлекло внимание печати к личности Германа как к “русскому революционеру”, каким его рисуют в драмах кинематографа, разновидности Раскольникова из “Преступления и наказания”. Особенно много занималась им тогда анархическая печать со своей точки зрения. Возможно, что возвращение его в Россию оказало бы на него оздоравливающее действие» [31, л. 38].

Помощник заведующего Отделом международной связи ИККИ Михаил Григорьевич Грольман, изучивший документы по делу, признавая Германа «крупным человеком и подлинным революционером», сделал вывод «т. Германа освободить, безусловно, необходимо». При этом ответственный работник Коминтерна добавлял: «... к “левому” крылу нашей партии он будет принадлежать только тогда, когда осознает необходимость “НЭП’а”, а если он этого не сможет, то, как человек эмоций и воли, он заявит себя сторонником IV Интернационала (??? — В.Х., Л.Х.) и при том не той фракции его, у которой теперь “революционность” перешла в пассивность, а той, которая и поныне в своей борьбе придерживается

тактики, очень схожей с тактикой максимализма, т.е. террор, саботажи и т.д.» [32, л. 3].

После нескольких обращений сына Германа в Коминтерн, ему было объявлено, что руководство всемирной компартии решило оказать «содействие». И тогда младший Герман внес предложение командировать его в Аргентину от Коммунистического Интернационала молодежи для работы среди юношеского движения и с целью практического решения вопроса освобождения Б.В.Германа и его последующей переправки в Россию. Герман Борисович просил предоставить ему все необходимые «средства и полномочия», которые как коммунист и подпольный работник, лично заинтересованный в успехе дела, сумел бы использовать «самым рациональным образом»». Никакого конкретного плана работы у него не было, и он собирался определиться на месте, ссылаясь на то, что «рассказы» аргентинцев позволяли считать поставленную задачу возможной для выполнения [33, л. 13].

В ИККИ вопрос о Германе рассматривали в практической плоскости и на самом высоком уровне как дело, важное для РКП(б). В письме, направленном (или подготовленном для отправки) ЦК *РСА*, члены Президиума ИККИ Карл Радек и Николай Иванович Бухарин просили выяснить, «как можно освободить данного товарища»; предлагая посмотреть, не циркулирует ли в аргентинской католической прессе идея обмена Германа «на какого-нибудь епископа или иного религиозного функционера из числа арестованных здесь. Естественно, этот вопрос должен быть поднят самой католической прессой». В случае невозможности освобождения Германа ИККИ предлагал аргентинским коммунистам задуматься, как вернуть оказавшиеся в руках у полиции документы, «касающиеся революционного движения в 1905 г.», и рукописи его работ. ИККИ давал директиву выяснить законные пути истребования материалов (к примеру, передачу их Герману-младшему в случае приезда того в Аргентину, а также возможность его встречи с отцом). В письме ИККИ утверждалось, что Герман являлся членом большевистской партии с 1905 г. [34, л. 33].

В Москве следили за судьбой Германа до самого конца одиссеи революционера. Международная организация помощи революционерам (МОПР) планировала кампанию по его освобождению: «Приговоренный за свою революционную деятельность на новой почве к смертной казни, которая была ему заменена вечным заключением, он просидел на Огненной Земле несколько лет и был доведен тюремными условиями до сумасшествия. Теперь он переведен в Буэнос-Айрес (в тюрьму «Мерседес»)). Предполагалось, что кампания МОПРа станет протестом «против гнуснейшего режима, который довел пять человек вместе с тов. Германом до сумасшествия». ЦК МОПР информировал, что предложил своей аргентинской секции принять меры по освобождению заключенного [35, л. 27]. Вполне возможно, что в Коминтерне опоздали с планированием этой акции. В доступных нам документах время смерти Германа названо лишь раз — в регистрационном бланке члена ВКП(б) Германа-Галкина. В графе «Занятие родителей после 1917 года» об отце написано: «литератор. Умер в 1923 г.» [36, л. 3]. Трудно судить, насколько точной была информация сына русско-аргентинского максималиста. Работая короткое время управ-

ляющим делами Исполкома Коммунистического Интернационала молодежи (1926—1927 гг.), он, трепетно относившийся к судьбе отца, мог получить доступ практически к любым связанным с ним документам, если таковые имелись в штабе мировой революции*.

Стремление освободить русско-аргентинского максималиста не было чем-то экстраординарным для практики III Интернационала. Для спасения адептов мировой революции из «лап буржуазного правосудия» или облегчения участи томящихся в тюрьмах в 1922 г. и был создан «коммунистический Красный Крест» — МОПР; иногда в операциях спасения напрямую участвовало и советское правительство. Примерами может служить депортация в Советскую Россию Эрнё Герё, приговоренного в Венгрии к 15 годам тюрьмы (1922 г.), обмен отбывавшего пожизненный срок венгра Матьяша Ракоши на трофейные знамена, захваченные Россией при подавлении венгерской революции 1848 г. (1940 г.), предоставление гражданства СССР и политического убежища болгарину Георгию Димитрову и его товарищам, оправданным на Лейпцигском процессе о поджоге рейхстага (1934 г.). По какой причине в Коминтерне отказались от планов освобождения Германа, пока можно только гадать. Важно другое: судьба российско-аргентинского революционера была предрешена — из аргентинской тюрьмы он уже не вышел.

Российско-аргентинские «ходоки» по делу Германа и функционеры Исполкома Коминтерна не могли знать подробностей его жизни в России и борьбы против царизма, и сюжет «Герман — “первый муж Крупской”» — ими вряд ли рассматривался (хотя не могут не возникнуть некоторые сомнения в связи с настойчивым желанием руководства III Интернационала получить документы арестанта). В руках аргентинского следователя действительно находились бумаги, которые теоретически могли бы подтвердить правильность всего, о чем Герман писал в своей «исповеди», включая резолюции съезда эсеров, декларацию аграрной группы максималистов, другие документы «по истории российской революции» [12, л. 6]. В любом случае среди руководителей Коминтерна и РКП(б), занимавшихся «делом Германа», не было людей с партийным стажем, который начался в XIX в. И если такая версия циркулировала при обсуждении возможности освобождения революционера, то весьма маловероятно, что она не вышла бы за

* С этой должности Герман-младший был откомандирован для службы на учебном судне «Товарищ» [37, л. 10], только что вернувшемся из похода в Южную Америку и вновь готовившемся к плаванию в Новый Свет [39]. Учитывая, что во время пребывания в латиноамериканских портах сопровождавший судно журналист Евгений Шуан установил контакты с руководителями уругвайской и аргентинской секций III Интернационала и «Южамторга» [40, сс. 148-158, 190-195, 198-199, 203, 256-258], можно с уверенностью предположить, что включение ответственного работника КИМа в экипаж учебного судна было не случайностью, а частью реализации предлагавшегося ранее самим Германом-младшим плана его командировки в Аргентину. Но «Товарищ» до Южной Америки не добрался из-за столкновения с итальянским пароходом. Герман Борисович же, закончив морской техникум, стал штурманом и служил на судах Балтийского государственного морского пароходства [36, л. 3]. Он трагически погиб при «Таллинском переходе» (август 1941 г.) судов ВМФ СССР во время Великой Отечественной войны [40].

пределы кабинетов вершителей судьбы арестанта в далекой Аргентине, особенно если знать о «разговорчивости» Карла Радека. Стоит заключить, что красивая история *love story* двух революционеров — продукт фантазии ее авторов.

В изучении яркой биографии Бориса Владимировича Германа пока рано ставить точку. Вполне возможно, что в архивах России, Аргентины и Швейцарии хранятся документы, которые позволят восстановить имеющиеся пробелы и пролить свет на некоторые до сих пор малоизвестные или вовсе неизвестные страницы истории революционного движения, а также избавиться от широко распространенных мифов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой русской революции. М., ВЗПИ, 1989, 239с. [Pavlov D.B. Esery-maksimalisty v pervoi russkoi revolutsii [The Socialist Revolutionaries in the First Russian Revolution] Moscow, VZPI, 1969, 239 p. (In Russ.).
2. Спиридович А.И. Партия эсеров и ее предшественники. История движения социалистов-революционеров. Борьба с террором в России в начале XX века. М., Центрполиграф, 2023, 479с. [Spiridovich A.I. Partii eserov i ee predshestvenniki. Istoriia dvizheniia sotsialistov-revolutsionerov. Bor'ba s terrorom v Rossii v nachale XX veka [The Party of Socialist Revolutionaries and its predecessors. The Struggle against terror in Russia at the beginning of XXth Century]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2023, 479 p. (In Russ.).
3. Страница павшим... *Сеятель*. Буэнос-Айрес, 1946, № 30, сс. 19–20. [Stranitsa pavshim [The Page dedicated to the Fallen Persons]. *Seyatel*. Buenos Aires, 1946, N30, pp.19-20 (In Russ.).
4. Чоловский Н. Старый вопрос (Окончание). *Сеятель*. 1979, № 19. [N.Cholovski. Staryi vopros [The Old Question]. *Seyatel*. Buenos Aires, 1979, N 19 (In Russ.).
5. Bayer O. Los anarquistas expropiadores, Simon Radowitzky y otros ensayos. Buenos Aires, Editorial Galerna, 1975.
6. Смирнов О. Неразгаданная Крупская. Как миловидная гимназистка стала суровым бойцом. Огонек, 18.02.2019 [O.Smirnov. Nerazgadannaya Krupskaya [Krupskaya Unsolved]. *Ogonek*, Moscow, 18.02.2019. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3880983> (accessed 14.08.2023). (In Russ.).
7. Хенкин К. Русские пришли. Тель-Авив: Книготороварищество «Москва-Иерусалим», 1984, 362 с. [K.Khenkin. Russkie prishli [The Russians Have Gone]. Tel Aviv: “Moskva-Ierusalim”, 362 p (In Russ.).
8. Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М., Вече, 1999, 654 с. [A.Arutiunov. Dosie Lenina bez retushi. Dokumenty. Fakty. Svidetelstva [Lenin's dossier without retouching] Moscow: Veche, 1999, 654 p. (In Russ.).
9. Кублицкая М.А. Русские издательства, типографии и библиотеки в Аргентине. [Kublitskaya M.A. Russkie izdatelstva, tipographii i biblioteki v Argentine [The Russian Editing Houses, Typographers and Libraries in Argentina. Available at: <http://emigrantika.imli.ru/publications/838-kublitskaja> 28.01.2011 (accessed 24.05.2023). (In Russ.).
10. Герман Б. Биология и социализм. Женева, Внеспарт. изд. Группы социалистов-революционеров, 1904. – 265 с. [B.German. Biologiia i sotsializm [Biology and Socialism] Geneve, Group of Socialist Revolutionaries Ed. (In Russ.).
11. Муж Крупской. [Muzh Krupskoi [Krupskaya's Husband]. *Blantsman's Journal*. Feb. 5th, 2011. Available at: <http://blantsman.livejournal.com/9423.html> (accessed 12.08.2023) (In Russ.).
12. Письмо Б.В.Германа адвокату д-ру Артуру Баяла. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495, оп. 190, д. 135. [B.V.German to the lawyer Dr. Artur Bayala. – Russian State Archive for Social and Political History (RGASPI). F.495, inv. 190, folder 135].

13. Krupskaya Nadezhda Konstantinovna. The New Encyclopaedia Britannica. Vol. 7. Chicago/Aukland/London/Madrid/Manila/Paris/Rome/Seoul/ Sydney/ Tokyo/Toronto: Encyclopaedia Britannica, 1994? 1044 p.

14. Крупская Надежда Константиновна. [Krupskaya Nadezhda Konstantinovna [Nadezhda Konstantinovna Krupskaya]. Available at: https://web.archive.org/web/20211009110600/https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%9D%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D0%B0_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0 (accessed 12.08.2023). (In Russ.).

15. La opinión personal de M.Yaroshevsky sobre German. 9 de noviembre de 1921. RGASPI, F.495, inv. 190, folder 135].

16. Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите Коминтерна (опыт биографического словаря). М., Институт Латинской Америки РАН-Институт всеобщей истории РАН, 2000, сс. 48-49 [L.S.Jeifets. Latinskaya Amerika v orbite Komintern (opyt biographicheskogo slovaria [Latin America in the Orbit of the Comintern (an attempt of Biographical Dictionary)] Moscow: ILA RAS-IGH RAS, 2000, pp. 48-49 (In Russ.).

17. Письма Азефа. 1893-1917. Сост. Д.Б.Павлов. М., Терра, 1994, 287 с. [D.B.Pavlov (ed.). Pis'ma Azefa. 1893-1917 [Azef's Letters. 1893-1917]. Moscow: Terra, 1994, 287 p. (In Russ.).

18. Письмо С.Г.Германа-Галкина Л.С.Хейфецу и В.Л.Хейфецу. 5 марта 2024 г. Личный архив Л.С.Хейфеца и В.Л.Хейфеца. [Pis'mo S.G.Germana-Galkina L.S.Jeifetsu i V.L.Jeifetsu. 5 marta 2024 g. Lichnyi arkhiv L.S. i V.L.Jeifetsa [S.G.German-Galkin to L.S.Jeifets and V.L.Jeifets. March 5, 2024. Lazar and Victor Jeifets' Personal Archive] (In Russ.).

19. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом (1880-1894). Саратов, Издательство Саратовского университета, 1983, 423с. [N.A.Troitsky. "Narodnaya volya" pered tsarskim sudom (1880—1894) ["The People's Will at the Tsar's Trial (1880-1894)]. Saratov, Saratov University ed., 1983, 423 p. (In Russ.).

20. Сводка из материалов по делу Бориса Владимировича Германа, заключенного в тюрьму в городе Буэнос-Айресе. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 190, д. 135. [Svodka iz materialov po delu Borisa Vladimirovicha Germana, zakliuchennogo v tiumru v gorode Buenos-Airese [The overview of materials of the "Boris Vladimirovich German case" (put in jail in the Buenos Aires City)]. RGASPI. F.495, inv.190, folder 135.

21. Записка члена РКП (б), члена Общества старых большевиков Вл. Горина-Галкина в Коминтерн 21 апреля 1923 г. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 190, д. 135. [Zapiska chlena RKP (b), chlena Obschestva starykh bol'shevikov Vl. Gorina-Galkina v Komintern 21 aprelia 1923 g. [The note of the militant of the RCP (b) and member of the Society of Old Bolsheviks Vl. Gorin-Galkin to the Comintern. April 21, 1923]. RGASPI. F.495, inv.190, folder 135.

22. Провокатор. Воспоминания и документы о разоблачении Азефа. Репринтное воспроизведение издания 1929 года. Л., СПРУ Фонда возрождения Ленинграда. 1991, 368 с. [Provokator. Vospominaniia i dokumenty o razoblachenii Azefa. [Provocateur. The Reminiscences and documents about Azef's Exposure] Leningrad, SPRU of the Foundation of Leningrad's Renaissance, 1991, 348 p. (In Russ.).

23. Юркевич Ю.Л. Минувшее проходит предо мною [Yurkevich Y.L.Minuvshee prokhodit predno mnoi [The Past Passes before me]. Available at: <https://vgulage.name/books/jurkevich-ju-l-minuvshee-prohodit-predno-mnoju/?ysclid=ltabloiyh491867555> (accessed 24.10.2023) (In Russ.).

24. Манифест Союза Российских социалистов и рабочих в Аргентине. Июль 1918 г. РГАСПИ, Ф.495, оп. 134, д. 1. [Manifest Soyuza Rossiiskikh sotsialistov i rabochikh v Argentine. Iyul' 1918 g. [Manifesto of the Union of Russian Socialists and Workers in Argentina, July 1918]. RGASPI. F.495, inv.134, folder 1.

25. Cepeda Matías. La Liga Patriótica y la construccion de Nuevos Ciudadanos: El "Humanitarismo Practico". XIV Jornadas Interescuelas/Departamentos de Historia. Departamento de Historia de la Facultad de Filosofia y Letras. Universidad Nacional de Cuyo, Mendoza, 2013. Available at: <https://www.academica.org/000-010/751> (accessed 24.10.2023).

26. Apelación de Boris Vladimirovich German ante el juez penal Dr. Martínez. Penitenciaría Nacional, noviembre de 1919. RGASPI. F.495, inv. 190, folder 135.
27. Обращение к Коммунистическому Интернационалу. Москва, июль 1921 г. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 190, д. 135. [Obrascheniie k Kommunisticheskomu Internatsionalu. Moskva, iyul' 1921 g. [Declaration addressed to the Communist International. Moscow, July, 1921]. RGASPI. F.495, inv. 190, folder 135.
28. Письмо Г. Германа Радеку. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 190, д. 135. [Pis'mo G.Germana K.Radeku [G.German's letter to K.Radek]. RGASPI. F.495, inv. 190, folder 135].
29. Выписка из протокола заседания Оргбюро Ц.К. от 18 марта 1920 г. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 112, д.65. [Vyписка iz protokola zasedaniya Orgbiuro Ts.K. ot 18 marta 1920 g. [Extract from the Protocol of the Organizational Bureau of the CC meeting. March 18, 1920]. RGASPI. F.17, inv.112, folder 65.
30. Заявление члена РКП и РКСМ (партбилет № 3744) Германа Германа-Галкина в ИККИ 1 декабря 1921 г. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 190, д. 135. [Zayavlenie chlena RKP i RKSM (partbilet№3744) Germana Germana-Galkina v IKKI 1 dekabria 1921 g. [Declaration of the RCP and RCYU (party card №3744) German German-Galkin to the ECCI. December 1, 1921]. RGASPI. F.495, inv.190, folder 135.
31. Записка Секретариата ИККИ 9.XI.1921 по делу Бориса Владимировича Германа. РГАСПИ. Ф.495, оп. 190, д. 135. [Zapiska Sekretariata IKKI 9.XI.1921 po delu Borisa Vladimirovicha Germana [The note of the ECCI Secretariat on the case of Boris Vladimirovich German. November 9, 1921]. RGASPI. F.495, inv.190, folder 135.
32. Записка М. Грольмана 30 апреля 1923 г. РГАСПИ. Ф. 495, оп.18, д.187. [Zapiska M.Grollmana 30 apreliya 1923 g. [M.Grollman's Note. April 30, 1923]. RGASPI. F. 495, inv.18, folder 187.
33. Письмо члена РКП (б) и РКСМ Германа Германа-Галкина в Исполком Коминтерна. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 190, д. 135. [Pis'mo chlena RKP (b) y RKSM Germana Germana-Galkina v Ispolkom Komintern [The letter of militant of the RCP (b) and RCYU German German-Galkin to the Executive of the Comintern]. RGASPI. F.495, inv.190. folder 135.
34. La carta al CC del Partido Comunista de Argentina desde Moscú, 3 de septiembre de 1923. RGASPI. F. 495, inv. 134, folder 39.
35. La carta del secretario del CE del SRI Mitrofan y del asesor del SRI Antonio a la sección mexicana del SRI. Moscú, 16 de noviembre de 1925. RGASPI. F. 539, inv. 3, folder 838.
36. Регистрационный лист члена ВКП (б) (партбилет старого образца №0050051) Германа Борисовича Германа-Галкина. 4 марта 1937 года. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИД СПб). Ф. P1728, оп. 1, д. 46369. [Registratsionnyi list chlena VKP /b/ (partbilet starogo obraztsa №0050051) Germana Borisovicha Galkina. 4 marta 1937 goda [Registration sheet of a militant of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (old-style party card №0050051) German Borisovich German-Galkin. March 4, 1937]. The Central Archive of Historical and Political Documents at Saint-Petersburg (TsGAID SPb). F. P1728, inv. 1, folder 46369.
37. Корешок командировочного удостоверения № 4269, 31.10.1927. ЦГАИД СПб. Ф. P1728, оп. 1, д. 46369. [Koroshok komandirovochnogo udostovereniya №4269 [Travel ID № 4269, October 31, 1927]. TsGAID SPb. F. P1728, inv. 1, folder 46369.
38. Легендарный первый «Товарищ» [Legendarnyi pervyi "Tovarisch"] [The Legendary First "Tovarisch"]. Available at: topwar.ru/99470-legendarny-pervyy-tovarisch.html (accessed: 20.02.2023) (In Russ.).
39. Шуан Е. В Аргентину на паруснике «Товарищ». М.-Л., Государственное издательство, 1928, 267с. [E.Shuan. Toward Argentina at the board of sailboat "Tovarisch"]. Moscow-Leningrad, 1928, 267 p. (In Russ.).
40. Письмо Александра Германа-Галкина, праправнука Б.В.Германа 26 марта 2024 г. Личный архив Л.С. Хейфеца и В.Л.Хейфеца [Pis'mo Alexandra Germana-Galkina, praprapnuka B.V.Germana 26 marta 2024 g. [Alexander German-Galkin (B.V.German's great-grandson)'s letter. March 26, 2024]. Lazar and Victor JEIFETS', Personal Archive (In Russ.).

Victor L.Jeifets (jeifets@gmail.com)

Ph.D. (History), professor at the Saint-Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7-9, Saint-Petersburg, Russian Federation

Professor at the State University of Aerospace Instrumentation

B.Morskaya Str., 67, Saint-Petersburg, Russian Federation

Leading researcher at the Institute for Latin American Studies of the RAS

B.Ordynka, 21, Moscow, Russian Federation

Lazar S.Jeifets (ilaranspb@hotmail.com)

Ph. D. (History), professor at the Saint-Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7-9, Saint-Petersburg, Russian Federation

Professor at the State University of Aerospace Instrumentation

B.Morskaya Str., 67, Saint-Petersburg, Russian Federation

Leading researcher at the Institute for Latin American Studies of the RAS

B.Ordynka, 21, Moscow, Russian Federation

The Argentinean odyssey of a Russian maximalist. Some touches from the biography of Boris German

Abstract. Taking the case of the destiny of the Russian Revolutionary Boris Vladimirovich German, the authors reconstruct some episodes in the history of the revolutionary movement at the end of XIXth and early XXth centuries in Russia and Argentina. The outcomes of the study refute the myth about the “first husband of Nadezhda Krupskaya” and reveal the attitude of the Comintern toward Boris German. The article is based on the documents of the Russian State Archive of Social and Political History and the Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint-Peterburg.

Key words: Boris German, Socialists-Revolutionaries, Maximalists, Nadezhda Krupskaya, Comintern, Argentina.

DOI: 10.31857/S0044748X24070045

Received 10.09.2023.